

МОЯ ОБЫКНОВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Алла Гатилова

Алла Гатилова

Моя обыкновенная жизнь

<https://litres.ru/74042349>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли впустить в свою жизнь свежий ветер и новые впечатления, если ты уже достаточно взрослая девочка? Конечно можно, особенно, если вспомнить, что именно тебя привлекало в детстве, что было интересно, какие мелочи повлияли на формирование твоего характера.

Приоткрой страницу книги и пройди этот небольшой путь вместе с автором. Путь этот привел от библиотекаря к графическому дизайнеру и писателю.

Неважно сколько тебе лет: 12, 20 или 50. Живой язык, рассказ о веселых и забавных случаях из детства и школьной жизни, о выборе профессии, и доверии себе и веры в свои силы чередуется с вполне философскими размышлениями автора, его стихами и рассказами и опыте ведения личного блога в сети вконтакте, а также с моментами освоения писательского хобби. Все это скрывается под обложкой.

Остается только повернуть страницу.

Содержание

Ты можешь много, пока не знаешь, что это
Конец ознакомительного фрагмента.

4
40

Алла Гатилова

Моя обыкновенная жизнь

**Ты можешь много,
пока не знаешь, что это**

невозможно.

1. МОЯ ПЕРВАЯ ГЛАВА

Помню себя я видимо лет с трех. Ну не то, чтобы прямо помню себя всю. Но отдельными местами и полянами достаточно отчетливо. К тому же, если учесть, что мои родители говорили, что, будучи молодой семьей, мы до моих трех, или четырех лет жили на квартире у хозяйки в частном доме. Вокруг дома был небольшой участок, там росли несколько яблонь.

Вот моя первая картинка, которую я достаю из пыльных кладовых моей памяти. Зима. Снегу уже достаточно много. Он белый, настоящий, лежит плотным покрывалом. На мне серая цигейковая шуба и такая же шапка, на ногах валенки. Это прямо примета советского детства. Мы выходим с отцом во двор, прихватив наживку на синичек — кусочки сала, которое я старательно выковыривала перед тем за завтраком из такой толстой вареной колбасы. Наковыряли мы с отцом

этого колбасного сала и отправились в сад подкармливать синичек. Думаю, что и воробьи бы не отказались. Но помню, как отец говорил, что сало очень любят синички. Так вот, мы подходили к яблоням, утопавшим в снежных сугробах, чтобы наколоть эти кусочки на тонкие веточки. Благодаря тому, что снега было много и он уже хорошо улежался, достать до нижних веток мне в мои три года было легко. И, видимо, занятие это, мне очень нравилось, потому что я не помню, ни что было до, ни что было после, даже не помню, а были ли вообще эти синички, а вот как добывала колбасное сало из недр колбасы за завтраком, сидя за столом, затем рассматривала мир вокруг через образовавшиеся в колбасном круге дырочки, а потом нанизывала кусочки сала на кончики веток в саду, которые оказались зимой так близко, вот это помню очень хорошо.

Еще одно яркое, как вспышка воспоминание. Картинка вторая.

Хозяйка квартиры — баба Надя конечно была в ту пору женщиной довольно молодой, как я теперь понимаю. У нее было две дочери видимо лет двадцати с небольшим, или чуть больше, чем с небольшим. Но я любила называть ее Бабулькой.

Работала Бабулька то ли кассиром, то ли бухгалтером. Этого я не помню. Но помню, что в доме были огромные конторские счета с деревянными костяшками и деревянные полы, а еще длинный коридор. Одна из дочерей Бабульки,

Галина, работала надомницей, как тогда говорили. Она вязала или плела пуховые платки, но не спицами. В коридоре стояла деревянная рама — сколоченный из брусков четырехугольник. По периметру, то есть со всех четырех сторон этой рамы в бруски были вбиты на одинаковом расстоянии друг от друга гвоздики, на которые крепились нити. Точно помню, что такие гвоздики были вбиты в верхний брусок. На них были закреплены основные нити для будущего пухового платка. Самым любимым моим развлечением было садиться в огромные конторские счеты с деревянными костяшками и кататься по деревянному полу длинного коридора. Ух, как они гремели! А я ехала в них точно лягушонка в коробчонке! А однажды я проезжала мимо рамки с натянутыми на гвоздях пуховыми нитями и едва начатой работой... я решила сделать остановку, чтобы получше рассмотреть этот объект. А видимо где-то недалеко мастерица оставила ножницы... Одним словом, где я взяла их, об этом моя память умалчивает. Но вот то обстоятельство, что я старательно и аккуратно срезала каждую ниточку с нескрываемым удовольствием, это я помню очень отчетливо как сейчас и словно слышу резвое вжжик, вжжик, вжик... Где были в это время все взрослые, понятия не имею.

Спустя время мы переехали в однокомнатную квартиру на четвертом этаже пятиэтажки, которую получил отец, а еще

немного позже Бабулька со своими дочерьями тоже получила квартиру в новостройке в том же районе города не так далеко от нас. Мы даже иногда ходили к ним в гости...

Картинка третья. Мне лет пять-шесть. Зима. Мы с отцом стоим на перроне вокзала, смотрим на отправляющийся поезд и отец говорит мне:

— Этот поезд отправляется в Москву, когда-нибудь мы тоже поедem с Москву. Когда-нибудь не наступило никогда... Отец умер, когда мне было тринадцать. В столицу мы так и не съездили, да собственно не было даже и планов, кроме этого разговора на вокзале...

В Москве жили то ли родственники какие-то, то ли друзья отца. Помню красивую молодую пару, брюнет Владимир и фигуристая, скорее крашенная блондинка, Лидия, а их дочка Светка-всезнайка меня прямо бесила конкретно. Хотя приезжали они нечасто. Где жили не помню, но точно не у нас в однушке. А я поняла, что все надо делать сразу, не откладывая на когда-нибудь. Когда-нибудь обычно означает никогда...

А потом был еще один случай, последний. Не подумав, вернее, подумав, что я в самом деле хочу, кажется в начале второго класса, я записалась за компанию в музыкальную школу на аккордеон. Первый год прошел достаточно благополучно в стенах нашей же образовательной школы. Но компания моя рассосалась. А мои родители не могли позволить мне не довести начатое до конца. Позже построили, а ско-

рее приспособили, какое-то отдельное здание для музыкальной школы в том же районе, как раз поближе к дому, где жила Бабулька. Потом мы переехали в новую трехкомнатную квартиру, связи ослабли, в гости мы уже не ходили. Но в музыкалку я продолжала ходить после уроков в общеобразовательной школе все в том же районе, откуда мы переехали в новую квартиру. А еще через три года умер мой отец.

И вот однажды зимой я шла из общеобразовательной школы в музыкальную, а там недалеко была остановка трамвая. И вот как раз из подошедшего трамвая вышла Бабулька. Мы узнали друг друга и обрадовались встрече. Но мне было нужно на урок. Она пригласила в гости. Я пообещала зайти после урока, надеясь, что через полтора часа буду свободна. Я очень хотела забежать к ней на чай и поболтать. Но вмешался ненавистный случай...

В музыкалку приехал ни то симфонический оркестр, ни то ансамбль струнных инструментов с концертом. И конечно нас, учеников музыкальной школы, решили непременно окультурить и привить чувство прекрасного, не спрашивая нашего желания и времени. Помню, как хромая тетка-баянистка вылавливала нас из раздевалки и загоняла на этот концерт, который продлился неприлично долго. Я не могла ей объяснить, что мне надо уйти, я обещала, меня ждут! Сначала я еще надеялась успеть, но каждые полчаса моя надежда таяла. Когда наконец все закончилось, я вышла на улицу в крошечной тьме. Вернее, при ярком свете фонарей на фо-

не черного неба. Ведь зимой темнеет слишком рано и идти в гости было уже слишком поздно. Надо было ехать домой, а это целый час в дороге, да еще уроки. Телефонов тогда у нас не было, и я не могла бы сообщить матери, почему задерживаюсь... Больше мне не удалось встретиться с Бабой Надей. Спустя время мать сообщила, что она умерла. Как же я ненавидела эту хромую баянистку! Да и до сих пор ненавижу, когда вспоминаю, что взрослость дала ей право распоряжаться чужим временем, решать, кто и когда может или не может жить своей жизнью, даже, если это жизнь детей, которые тоже люди, хотя и невзрослые. Мне было важнее уйти, а не насильно любить прекрасное! Это была последняя возможность, которую у меня отняли.

Картинка следующая. Моя мать работала воспитателем детского сада. Первая смена, рабочий день с семи утра. Подъем в шесть или раньше. Сборы как в армии, автобус, дорога от автобуса. Меня в охапку туда же. В общем спартанское утро. Когда я пошла в школу в неполных семь лет, утро было еще интереснее.

У меня длинные волосы с самого раннего детства. Справляться с ними самостоятельно в начальных классах я конечно не умела еще, косы, ленты, хвосты, ну все вот это, чтобы выглядеть приличной школьницей. А ленты у меня были две по два метра. Утреннее священное действо выглядело так: мать будила меня под звуки утреннего гимна, что раздавались из радиоприемника в шесть утра. Я вставала, умы-

валась, надевала коричневое школьное платье, садилась на кухне на табурет. Мать заплетала мне тугую косу, вплетая ленту, я зевая сидела на табурете, слушая бодрый голос ведущего утренней гимнастики из радиоприемника. Мать управлялась за десять минут и вместе с фразой неунывающей ведущей или ведущего: утренняя гимнастика окончена, переходите к водным процедурам, я сползала с табурета в косах и бантах с непременным видом отличницы и шла на собранный диван досыпать в позе полусидя-полулежа, зато в форме, с тугими косами и вся в бантах.

Как-то уже будучи взрослой где-то я прочла, что для выработки определенной привычки достаточно выполнять определенное действие в течение двух месяцев. Если применить это правило к моему вынужденному раннему подъему в течение многих лет, то могу сказать, что не хрена оно не работает. Ибо, когда я наконец-то научилась сама справляться со своими волосами и казалось бы — вот оно-счастье, не тут-то было! Уроки начинаются с восемь тридцать, можно не вставать в шесть утра, а фиг там! Я же говорила, что мои родители получили квартиру в новом районе. Радость конечно, но школ там еще не было. Я с пятого класса начала ездить с пересадкой на двух автобусах в школу. Подъем был в шесть тридцать. Ну к чему я это все? А к тому, что брешут все про привычки. Не сработало правило. Никакой привычки раннего подъема у меня так и не случилось. А случилась мечта вставать тогда, когда захочу и это ни как ни в шесть и ни в

семь утра. Столько лет я мечтала по утрам спать вдоволь. И вот оно свершилось! Теперь дети взрослые, до работы пешком десять минут. Начало рабочего дня в десять. А в выходной мое утро начинается не раньше десяти.

А еще, мысленно возвращаясь в детство, я понимаю, что родители для меня всегда были люди, с которыми я живу в одной квартире, но у каждого своя территория и свой диалект. Мы сосуществовали. Никаких крепких душевных связей, никаких связующих нитей. Ну и никаких разрывов, травм и потерь.

В мои тринадцать, когда я была в седьмом классе, заболел и умер мой отец. Ах да, я уже говорила об этом. Ну так вот, не болел, не болел, а потом рааз, ну не раз, а за два месяца... Наступила зима, холода. У отца стали отекать кончики пальцев. Вот прямо такие водянки на подушечках и от этого он не мог застегнуть пуговицы на сорочке. Я ему их застегивала... Когда отец все же обратился к врачу, его срочно положили в больницу. Двадцать шестого января он умер. Отказали почки. Как точно звучал диагноз я не знаю. Помню это чувство, что дома стало тише... Понадобилось время научиться жить втроем: я, мать и брат, который моложе меня на восемь лет.

А через год, когда я была уже в восьмом классе, со мной случилась история немного печальная, хотя, как посмотреть... Пятнадцатое марта. Зима не отступает. Лежит снег, кое-где по дорожкам утопанный до льда. Мороз. Темнеет

по-прежнему еще рано, хотя все же позже, чем в декабре. До магазина минут пятнадцать. Спускаются сумерки. Выяснилось, что дома нужен хлеб. Я собралась и отправилась за покупкой. На улице тихо, морозно. Одним словом, красота. Голубое небо красиво синеет, затем плавно темнеет. До магазина остается метров сто. Я поскользываюсь и падаю. Зимой ведь это не хитрое дело. Пытаюсь встать и чувствую, что левую ногу пронзает резкая боль. Я делаю еще одну попытку, кое-как встаю, но понимаю, что идти практически не могу. При каждом шаге, ногу в районе лодыжки словно простреливает. Но до магазина гораздо ближе, чем до дома. А дома мать, младший брат и старшая двоюродная сестра, которая приехала в город учиться в институте. И они-то знают, что я куплю хлеба. Поэтому я поняла, что домой все равноковылять придется, что так, что так. Но лучше с хлебом. Я-то почти дошла. Ну в общем кое-как, кажется с чьей-то помощью, я дошла до магазина, купила хлеба, и поковыляла обратно. По пути мне помогла прохожая женщина, довела меня до лифта. Вот теперь понимаю, хорошо, что лифт случайно не сломался. До девятого этажа мне бы не допрыгать было. Дома, когда я наконец добралась и плюхнулась в кресло, которое стояло у нас в прихожей, я спокойно сказала матери: я кажется сломала ногу. Ну, а дальше: такси, травмпункт, гипсовая лангетка и три недели дома. Кстати, хорошо, что уличный телефон-автомат находился как раз перед нашим подъездом.

После всего этого уже дома, накрываясь одеялом я лежала, рассматривая узор на ковре, что вешали тогда на стену. Из трехпрограмника теплый голос Валентины Легкоступовой пел про ягоду-малину. Я слушала спокойно засыпая. Впереди было ровно три недели покоя. Не надо рано вставать, не надо никуда спешить. Я самостоятельно изучала новые темы уроков по учебникам, решала задания, а еще именно тогда прочитала волшебные книги: Вильяма Козлова «Президент каменного острова» «Президент не уходит в отставку», ну и конечно «Джэн Эйр» Шарлоты Бронте, страницы которой врезались в память и долгое время я помнила их наизусть.

Этих трех недель весне хватило, чтобы полностью вступить в свои права. Когда мне сняли гипс, по улицам во всю бежали звонкие ручьи, а я медленно шла в новеньких кроссовках и с наслаждением вдыхала пьянящий воздух.

Теперь, спустя столько лет я вспомнила эту историю, себя и «мне стало меня так жалко», - как говорит моя уже взрослая дочь. Я теперь даже удивляюсь, что я ничуть не сомневалась, что должна дойти до магазина, что не впала в панику... Зато это был не последний случай с переломом. Через двадцать пять лет у меня случился точно такой же перелом в том же месте той же самой ноги, но только летом. А врач мне достался молодой, недавний выпускник вуза. Но волноваться ему было не за что. Он был в надежных руках опытной пациентки. Уж я-то точно знала, как проходит процесс вос-

становления после перелома лодыжки и сколько недель требуется носить лангетку, конечно с учетом возраста пациента. Вот только понять я не смогла, для чего мне при переломе необходимо сдать анализы, которые гуманная администрация поликлиники с материнской заботой о пациентах разместила на четвертом этаже здания, да и лифт неожиданно отключили. Ну, это, как говорится, совсем другая история.

2. ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ

Были в мои школьные годы два детских журнала ПИОНЕР и КОСТЁР, такие достаточно объёмные и формат А4. Это вам не какие-то раскраски и комиксы, самые настоящие художественные журналы. Там печатали рассказы, стихи, обязательно полезное что-нибудь для советских школьников. И родители их ежегодно выписывали.

В одном из таких журналов была постоянная рубрика, которая называлась: И ВСЕ ЗАСМЕЯЛИСЬ...

Именно такой фразой заканчивались все весёлые истории из школьной жизни. А у вас случались в школьной жизни весёлые истории? Я вот что-то не смогла вспомнить. А они ведь наверняка случались. Но где-то затерялись в закоулках памяти.

Ну разве что, вот помню ещё из обязательного моих школьных лет — это раз в неделю политинформация. И проводили её в тяжёлый понедельник и обязательно в 8 утра перед уроками, ну потому, что после уроков было нас не поймать и в класс не собрать.

Так вот, было это так. Назначили за все эти политические мучения ответственным Димку Дубского, такого плотного, коренастого как дуб, спокойного как удав, нашего одноклассника. Димка должен был найти в газетах подходящие для нашего общественно-политического развития заметки, вырезать их, раздать, ну и нести полную ответственность за наше политическое сознание. А на этой политической экзекуции, тьфу ты, политинформации, выполнять роль ведущего, ну как мужик из телевизора.

На деле же было совсем не так. Каждый понедельник сонные одноклассники медленно заполняли кабинет, с грохотом усаживались за парты, шурша школьными сумками. Стихали. Затем наша новая классная, которая пришла на смену любимой учительнице, уехавшей в Москву с мужем-военным, и эту новую по фамилии ГАДИЦКАЯ мы жутко ненавидели, становилась перед классом.

Эта ГАДИЦКАЯ поразительно соответствовала своей фамилии. Ходили слухи, что когда-то она окончила нашу же школу с золотой медалью. Но медаль никак не пошла ей на пользу. ГАДИЦКАЯ весь учебный год проходила, как бы теперь сказали, в двух луках, и были они один горче другого. Один состоял из столетнего синего, кажется велюрового платья, другой — это коричневая юбка и коричневый свитер, распушенные петли которого неумолимо полезли вверх по рукавам и бокам.

Ну и за эти, ползущие петли в том числе, и за противный

постоянный крик, мы люто ненавидели ГАДИЦКУЮ. Нет, ну а что!? Ведь аттестат с отличием не красит человека, если петли его свитера ползут. Ибо ещё Антон Палыч говорил, что в человеке ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕКРАСНО, понимаете? ВСЕ! Все, а не только школьный аттестат. Ну так вот, ГАДИЦКАЯ ста становилась перед классом и командовала: «Дубский, начинай!»

Димка меедленно вставал из-за парты, затем меедленно двигался к доске, меедленно разворачивался и также медленно, растягивая слова произносил мантру: «Сегодня (пауза) должна была быть политинформация (пауза) на тему..., но... далее следовал глубокий и громкий вздох Димки (и, внимание финал), но никто не подготовился», — наконец заканчивал свою реплику Дубский. Затем пауза. Тут на сцену, вернее на середину класса, выходила ГАДИЦКАЯ и приступала к своей партии. Она смотрела на Димку выпучив глаза, начинала что-то орать. Димка продолжал невозмутимо стоять у доски, только немного потупив взор. А в наших глазах он был не меньше, чем Александр Матросов, накрывший собой огневую точку. Но огневая точка все разгоралась, затем она поворачивалась лицом к классу, то есть к нам, продолжая строчить и увещевать, напоминая нам о нашем политическом равнодушии, безнравственности и неблагонадежности. Мы молчали... сначала.

Но тут вступал Димка тихо так, но очень красноречиво. А было это в те годы, когда на центральных каналах телевиде-

ния впервые выпуски новостей стали сопровождаться сурдопереводом. Такое маленькое окошко на экране справа внизу и там тётенька или дяденька-сурдопереводчик на языке жестов рассказывали новости. Так вот, наш Димка до этого тихо и невозмутимо стоявший у доски, принимавший на себя все эмоциональные взрывы ГАДИЦКОЙ, превращался в классного сурдопереводчика, как только ГАДИЦКАЯ поворачивалась к нему спиной, а к классу лицом.

Сначала мы сидели, понунив свои головы, полностью признав свою политическую неблагонадежность, а по мере того как крик ГАДИЦКОЙ становился все громче, все эмоциональнее, наш сурдопереводчик, старался жестикулировать все активнее. И надо сказать получалось это у него замечательно, очень уместно, очень профессионально. Мы потихоньку переключали свое внимание с главного диктора наших новостей на переводчика и начинали хихикать. ГАДИЦКАЯ резко поворачивала голову, а Димка успевал замереть, надеть на лицо выражение спокойного равнодушия. ГАДИЦКАЯ, посмотрев на сонного Димку, снова возвращала свой взор к классу и продолжала свою речь. А Дубский свой перевод. Мы уже не сдерживаясь хохотали во всю.

И так проходило утро каждого понедельника. ГАДИЦКАЯ вела новости, Димка сопровождал их сурдопереводом. Мы хохотали, надрывая животы, ведь главное было продержаться двадцать минут, так как в восемь тридцать начинался первый урок. А ученье, как известно свет, лишить которого

даже ГАДИЦКАЯ нас не могла.

Уже работая в образовательном учреждении, я как-то проводила мероприятие с первоклассниками. В игровом моменте предложила им продолжить известные пословицы. Я говорю: без труда не выловить, дети продолжают: рыбку из пруда. Я говорю: ученье — свет, дети продолжают: а неученье... И вдруг одна девчушка вместо известного варианта кричит: а неученье — СМЕРТЬ!

Так что будем учиться! И будем жить!

3. СИСТЕМА ДАЛА СБОЙ

Вот сейчас у школьников то вступительные экзамены, без коих в какой-нибудь приличный лицей, гимназию не возьмут, то ВэПээРы, то ОГЭ и ЕГЭ, прости Господи.

А раньше учись себе целых восемь лет беззаботно. Но только годовые контрольные и диктанты, да и все. Кто-то из взрослых ныне людей может мне возразить, но у нас было именно так. Первые экзамены были после окончания восьмого класса. И было их четыре, но это не точно. Вот третий у нас точно был литература письменно, а по-человечески, обычное сочинение.

Вот как думаете экзамены — это ж серьезно и ответственно? А как же! Ведь для части восьмиклассников они выпускные. Поэтому и к сочинениям готовились заранее, писали их ни раз и ни два и по произведения русских классиков, и по произведения советских писателей, и на свободные темы. Одним словом, разбуди ночью вопросом, а ну-ка, голуба

моя, напиши-как мне сочинение на тему... А ты такая:

— А вот, извольте.

Так что готовность изложить свои мысли на бумаге в течение трех экзаменационных часов была стопроцентная. И вот на календаре конец мая, самые последние деньки.

На стенде в школьном фойе повесили расписание экзаменов. Это прямо святой документ для восьмиклассников, по которому им жить целых две недели. Каждый с волнением всматривался в строчки, для пущей уверенности водил по строчкам пальцем, выписывал в блокнот даты.

Пошла и я за компанию постоять у стенда. Посмотрела, когда первый экзамен. Он оказался в понедельник. Ну, что ж, логично начинать что-то новое в понедельник. Так, второй экзамен, ага, в четверг. Ну тут тоже логично, два дня на подготовку к следующему экзамену. А что после четверга ровно через два дня наступит воскресенье, меня не смутило ни разу. Что с того, что воскресенье!? Сказано экзамены, значит экзамены! Кому это тут неудобно в воскресенье?

Система мне была ясна, и я совершенно уверенная в том, что поняла основной принцип, больше не стала себя утруждать изучением расписания экзаменов.

Итак, мы сдали первый экзамен, затем второй... Потом прошла пятница и вот утро субботы. И тут у нас дома неожиданно случился ремонт по-быстрому. Решили переклеить обои в маленькой комнате, девять квадратных метров. Решили, сделали! Не впервой! И вот где-то во втором часу дня,

когда мы только доклеили последний кусок обоев, в дверь раздался звонок.

Это была ещё додомофонная эпоха, так что звонили прямо в звонок на входной двери. Я пошла открывать. Каково же было моё удивление, когда открыв дверь, я увидела на пороге родительницу одного моего одноклассника. Я уже кажется рассказывала, что до моей школы было час езды с пересадкой. Ну и всех родительниц всех моих одноклассников я конечно не знала так хорошо, как мать Димки Васильева. Были у него, конечно определенные проблемы, ну и она просто жила в школе, чтобы Димка хоть как-то её закончил. Поэтому, эту Димкину мать знали все.

Короче говоря, она похоже удивилась мне не меньше, чем я ей. Через минуту посыльная собралась с мыслями и задала мне коварный вопрос:

— А ты почему не была на экзамене?

Тут настала моя очередь удивиться ещё больше: а что, у нас экзамен? — спросила я, между прочим твёрдая хорошистка и заместитель комсорга класса, в начальных классах даже отличница и командир звездочки.

— Одевайся, поехали,- скомандовала Димкина мать.

— Куда? — все ещё не понимала я.

— Экзамен сдавать!

Я, как положено приличной ученице, надела коричневую школьную форму, белый фартук, экзамен все-таки! взяла

ручку и двенадцать копеек на проезд, с учётом двух пересадок туда и обратно.

И вот к двум часам дня я прибыла школу. В школе было тихо, в окна светило яркое солнце, деревянный пол коридоров уже был вымыт и свеж. Я вошла в кабинет, где с утра мои одноклассники трудились над экзаменационным сочинением, а теперь в пустом классе сидела учитель русского и литературы, она же наша классная и проверяла сочинения.

Я села за первую парту, напротив. Классная назвала мне три темы, из которых я должна была выбрать для себя одну и писать сочинение. Опуская подробности, скажу, что я взяла свободную тему Мой любимый праздник и писала о Дне Победы. А две другие я даже не помню. К пяти часам я закончила сочинение, сдала тетрадь и попрощалась. Классная читала последнюю работу из стопки. Следующая и самая последняя тетрадь была моя.

С чувством выполненного долга я зашагала на выход. К моему удивлению входная дверь была заперта. Через несколько минут я услышала шаги. Техничка, помыв полы, закрыла на ключ входную дверь, чтобы с улицы не забежали ребята, гонявшие на стадионе мяч и не нарушали чистоту. Тётя Валя, увидев меня в форме и белом фартуке, премного удивилась, спросила:

— А ты что тут?

— Экзамен сдавала, — не без гордости заявила я, вышла

на улицу и подумала: все-таки хорошо, что мы сегодня поклеили обои, а завтра можно отдыхать.

4. ЗИМА В РОССИИ...

Школа, в которой я училась была расположена в районе городских пятиэтажек, недалеко от дороги с односторонним движением транспорта. Собственно, на углу, где одна улица плавно переходила в другую. Из школьных окон трехэтажного здания были видны, поворачивающие из-за угла и проезжающие мимо редкие автомобили и городские экарусы. А через дорогу на противоположной стороне был сосновый лес.

Зимние уроки физкультуры на лыжах проводили на природе. Ох, как я их не любила. С пятого класса в школу мне приходилось ездить, так как мы переехали в новую квартиру. Час езды с пересадками в переполненном автобусе никак не добавлял оптимизма и не предполагал ещё и лыжи с собой. В школе же были только взрослые лыжи для лыжных ботинок. Я даже не лыжница и не спортсменка. Я и моя подруга Танька полчаса мучились со школьными лыжами, а там наши одноклассники уже и круг по лыжне завершали. Так что мы, честно подышав свежим сосновым воздухом, вполне получали глоток здоровья и числились на уроке. Тогда как-то никто не переживал, что отставшие заблудятся в ближайшем лесу.

И вот однажды наш лес стал нашей партизанской тропой. Было это в девятом классе. Мы пришли на урок, уж и не помню какой. Прозвенел звонок. Сидим, ждём, учителя нет. Проходит пять минут, десять. Мы начинаем тихонько, вернее уже вполне себе бодренько радоваться. Пятнадцать минут прошло, ура! Учителя нет! А надо сказать, что мы знали негласную установку, что учителя надо ждать пятнадцать минут. Все! Наше время!

Ну а делать-то что? Охранников в школе тогда в помине не было. Но уборщица, дежурившая у входа, а также дежурные ученики за столом на школьных звонках не зря хлеб ели. Не могли они не заметить, как тридцать человек незаметно прососется через входную дверь в сторону свободы. И что же? Мы принимаем решение действовать под прикрытием. А именно, мелкими перебежками мы переместились в пионерскую комнату, которая располагалось на первом этаже здания окнами к лесу. Пара наших мальчишек за несколько вылазок перенесли из раздевалки всю нашу одежду и обувь туда же, в пионерскую комнату.

Дальше мы перешли к самой ответственной части операции Побег. Вот, где проявилась наша невиданная сплоченность, и тут мы окончательно убедились, что старшая пионервожатая — НАШ ЧЕЛОВЕК!

Весь списочный состав в тридцать штук почти в тишине, насколько это возможно, оделись, обулись и приготовились к побегу. Мы открыли окно, первыми на свободу вы-

рвались мальчишки, затем туда же отправились все школьные сумки, рюкзаки и прочая поклажа, затем, как истинные джентльмены, ребята помогли девочкам преодолеть окно. Итак, весь класс дружно вздохнул полной грудью свежий морозный воздух. Вожатая закрыла за нами окно, помахала нам вслед, смахнула скупую слезу, а мы тронулись в путь.

Вспоминая это теперь, я думаю, что каждый из нас вполне мог после этого отправиться домой. Но разве это стало бы подвигом в глазах всей школьной общественности? Нееет. Мы не искали лёгких путей. Поэтому на глазах у изумленных жителей школы мы двинулись всем составом через дорогу в лес, и наши радостные голоса думаю были слышны во все окна. Вряд ли нас могли заглушить редкие машины, проезжающие по дороге.

Нагулявшись вдоволь, мы отправились домой к одному из одноклассников погреться, чаю попить. Школа конечно всполошилась, руководство стало обзванивать тех, у кого были домашние телефоны. А надо сказать, что в те годы таких было крайне мало.

На утро мы подходили к школьному крыльцу героями, но понимая, что этот подвиг не пройдёт незамеченным, мы ещё теснее сплотили ряды и решили переступить порог только в полном составе. Школьники смотрели на нас с восторгом, завистью и обожанием, а педагогический общественность во главе с директором выразила нам ноту протеста и объявила бойкот, который заключался в том, что целую последую-

щую неделю мы сами вели у себя все уроки в присутствии каждого учителя. Одним словом, нас хотели взять на понт. Ну как бы «вы хотели показать, что вы взрослые? так вот и докажите всем, что вы взрослые, несите ответственность за свои поступки». И мы с честью несли. Особенно на таких серьёзных спаренных предметах. У нас физика, химия, алгебра и геометрия была сразу по два урока. Там конечно новая тема, разбор домашнего задания, задачи и тд. Мы быстро в течении первых пяти минут просматривали, распределили, кто какой параграф объясняет одноклассникам, затем, кто выходит к доске решать задачи для всех. Особенно радовалась сидя на задней парте наша Ачкасова Тамара Павловна — учитель физики. Она очень серьёзно относилась к своему предмету и нас этому научила.

Вот так мы доказали всей школе, что мы взрослые и не сдаемся на полпути. Директор тоже конечно надеялась, что такой прогрессивный подход к наказанию непременно должен принести свои плоды. И он принёс... На следующий год весной в апреле мы нечаянно ушли на полдня за подснежниками. Но это уже совсем другая история.

Вот такие зимние приключения вспомнились мне. А вам, что вспоминается, когда снежинки падают на ладони?

5. АПРЕЛЬСКИЕ ЧУВСТВА

Выйдя сухими из воды, точнее из снежных сугробов ближайшего соснового леса, с достоинством выиграв поединок со школьной системой и доказав всей школьной обществен-

ности, а себе в первую очередь, что вполне в состоянии нести ответственность за свои подвиги, 9й Б благополучно перешёл в выпускной класс, тогда ещё десятый.

Но воспоминания о минуте, вернее целой неделе славы, не давали нам покоя. Хотя, пожалуй, все было не так. Мы были вполне благополучным, обычным, видимо дружным классом. Не было среди нас отъявленных негодяев, циничных и злобных личностей, которые бы держали в напряжении всех учителей. А были отличники и хорошисты в большинстве, даже секретарь комсомольской организации школы, комсомолка, спортсменка с мечтой поступить в МГУ. Но даже ей ничто человеческое оказалось не чуждо.

А вообще учебный год шёл без особых приключений. Так бы он и закончился, если бы не апрель. А апрель, он такой! Кого хочешь с дорожки верной свернуть заставит. Нет, не заставит, а сманит, заговорит, солнышком пригреет, ароматами да птичьими голосами заворочит.

Наступило обычное апрельские школьное утро. 10й Б дисциплинировано пришёл на первый урок. Прошло пять минут, в кабинет вошла завуч и сообщила, что учителя не будет, а так как первые два урока математики у одного педагога, то руководство решило воспользоваться вынужденным простым в образовательном процессе и направить класс на прохождение медкомиссии в поликлинику, куда уже позвонили с просьбой принять класс вне очереди. Руководство заботливо предупредило учителя, который должен был ве-

сти третий урок, что мы можем опоздать. Всё складывалось удачно и ничего неожиданного не предвещало.

10й Б добросовестно, без учителя и без приключений добрался до поликлиники, дисциплинированно прошел-таки медосмотр. Мы дождались всех одноклассников, дружно вышли на порог поликлиники, вдохнули свежий весенний ветерок и уже были готовы честно отправится в обратный путь... И тут кто-то из одноклассников, видимо глотнув лишнего аромата счастья и повернув голову налево (в то время, как дорога в школу лежала на право) в сторону, где за пятиэтажками тянулась старая ветка железной дороги для товарников и леса, дышащего ароматом молодой зелёной травы и пролесков, сказал: " а давайте сходим за подснежниками! Ну, подумаешь, один урок погуляем, а там после третьего все равно все пойдут в лес на Час здоровья, вот и мы за здоровьем!»

А надо сказать, что школа — это такое излюбленное место для экспериментов для нашей системы образования. Конец восьмидесятых, по крайней мере, на пару лет у нас был введён такой «час здоровья». Там наверху решили, что после трех уроков ученики должны сменить парты на активную прогулку на свежем воздухе, на подвижные игры и прочее. Не знаю, как это было в других школах, а нас спасал сосновый лес с его хвойным ароматом, который неизменно наполнял всех здоровьем, но окончательно отбивал желание после этого часа идти и высиживать ещё три урока.

Так вот, прямо с порога поликлиники, мы дружным весенним ручьем перетекли в лес. Рельсы, шпалы, уходящий в даль состав, а за ними птицы, подснежники, романтика! Но 10й Б был дисциплинированным и ответственным классом, о времени мы не забывали. Рассчитав, что вся школа вышла на Час здоровья, мы тоже тронулись через лес с подснежниками в родные пенаты.

Через полчаса, двигаясь в нужном направлении, мы уже стали слышать звонкие голоса детворы, звенящие за соснами и наполняющие весенний лес, не хуже птичьих. Мы ведь уже знали примерный ход дальнейших событий. Мы будем целую неделю сами у себя вести уроки, выполнять по очереди на доске задания, объяснять новые темы. Мы даже распределили, кто за какой предмет будет отвечать. И вот мы взрослые, счастливые с букетиками подснежников шагаем навстречу педагогам и школьной малышне, которая не без зависти нам кричит:

— О, а это 10й Б? А вас уже ищут!

Так совершенно не планируя ничего заранее, мы снова получили свою минуту славы или даже больше. Но, как ни странно, итог этого события не оставил такого яркого следа в памяти, как наше прошлогоднее зимнее приключение. Кажется, и бойкот со стороны педагогической общественности не случился, даже обидно. Но с другой стороны, мы же показали, что и это нам по плечу. Поэтому данная мера воздействия утратила свой смысл. Помню только одно. Наш класс

построили в линейку для общественного порицания в лице директора. Директор что-то говорила, увещевала, взывала к совести всех и вдруг посмотрела на нашу одноклассницу-спортсменку, комсомолку, медалистку, секретаря комсомольской организации всей школы и обратилась личной к ней:

— Вера, ну ладно все остальные! Но, ты-то, как могла!?

Вера посмотрела ей прямо в глаза и твёрдым спокойным голосом, как будущий юрист, произнесла: «Людмила Дмитриевна, а я что, не человек?»

Вот такой он месяц апрель! Даже в умницах и отличниках пробуждает все человеческие чувства.

6. ПРО ПЕРВЫЙ РАЗ

Это у меня было впервые в девятом классе. Вообще в девятом многое произошло впервые.

Я в первый раз оказалась на территории железнодорожного вокзала в своём городе, я впервые поехала в плацкартном вагоне поезда и в первый раз увидела другие города. Произошло это благодаря прогрессивным взглядам директора нашей школы Людмилы Дмитриевны в конце марта на весенних школьных каникулах.

А дело было так. Все, кто родился и учился в прошлом веке, когда ещё мы не могли себе представить, что у каждого в кармане будет собственный телефон и целый компьютер в металлической папке, да что там, домашний стационарный телефон и то не у всех был, зато мы знали, что первых пару

недель сентября у всех школьников была добровольная помощь ближайшим колхозам по сбору урожая картофеля.

Многие даже любили такое начало учебного года. Про себя сказать этого не могу. С утра добираться с пересадкой на городских автобусах и с ведром, а обратно ещё и в пыльной одежде с тем же ведром, не больно радостное времяпрепровождение. Утром ведь уже было прохладно, а днем снова стояло летнее тепло. Одним словом, мне было бы приятнее в чистой одежде и с домашним заданием, нежели в сапогах или кроссовках с ведром.

Но, чтобы придать этому сбору урожая особый смысл, а молодёжи резвости и азарта, у нас было объявлено соревнование между классами. На кону как раз и стояла поездка, половину стоимости которой оплачивала школа из средств, перечисленных колхозом. Вот такая, как говорят, бухгалтерия! И если вдуматься, то дело то вовсе не плохое, а напротив — дело хорошее! Урожай спасён, молодёжь к труду приучена, да ещё окультурена!

Так вот, при подведении итогов такого соревнования, наш 9й Б занял первое место и был поощрен этой самой поездкой, которую мы ещё и сами себе выбирали в турфирме. А 9й А, занявший честное второе место, был поощрен большим заказным тортом.

После награждения, которое происходило на еженедельной рабочей планерке, ой, то есть, линейке для старших восьмых, девярых и десятых классов, выяснилось, что жела-

ющих отправиться в путешествие на весенних каникулах из нашего класса меньше, чем нужно. Тогда было решено отведать большой торт дружной компанией из двух девятых классов и в поездку собрать группу желающих тоже из двух классов в сопровождении обеих классных руководителей.

Так я впервые оказалась на борту тур-поезда, следовавшего по маршруту Одесса-Херсон-Черкассы, вместе со своими одноклассниками.

Это было целое приключение длиною в четыре ночи и три дня. Кстати, у нас даже не отобрали право на эту поездку после нашего славного побега в зимний лес через окно первого этажа.

Так я впервые увидела зеленое Чёрное море и знаменитый Одесский Оперный театр. Причём холодное мартовские море через окна небольшого суденышка, на котором мы совершали водную экскурсию, а театр изнутри, будучи зрителем оперетты «Наталка Полтавка».

В Херсоне чёрные волны Днепра, исторический парк и часовню, а также узнала историю о том, как Екатерина II подарила эти земли Григорию Потемкину. В Черкассах поразило огромное четырехэтажное здание Краеведческого музея и безразмерные тапки на завязках, которые выдавали всем посетителям, а также зал с голографическими экспонатами.

Наш тур-поезд ночью ехал, а днём пока мы знакомились с новым городом, ожидал нас на запасном пути. Вообще, сейчас я сильно удивляюсь, что мы вот так запросто, пробыв

в Одессе всего один день, купили в кассе билеты на спектакль «Наталка Полтавка». Знали бы о такой возможности заранее, непременно прихватили бы приличную одежду, а не сапоги и штаны. Но, как теперь говорят, неважно насколько стоптаны ваши кеды, если в них вы шагали по улицам Парижа. Одесса, конечно не Париж, но оказаться в Одесском оперном, видеть эту великолепную лепнину и роскошную позолоту кстати, и Потемкинскую лестницу тоже, другого шанса в моей жизни не было. Париж-не Париж, а свой француз — Дюк Ришелье имеется.

Но пока послушные и жадные до культуры туристы впитывали искусство и переживали за судьбу героини, более продуманные одноклассники в антракт встали со своих мест, пошли ближе знакомиться с прекрасной архитектурой здания театра и больше никогда уже не вернулись.

Они самостоятельно вернулись в вагон тур-поезда и вовремя вкусили пищу плотскую в вагоне-ресторане, согласно расписанию ужина.

Когда же оперетта в театре закончилась, и зрители вышли на улицу, мы обнаружили самых преданных ценителей искусства: две наших классных руководительницы и нас трое учеников девятых классов.

Понятия не имею, как мы впервые, будучи в незнакомом городе, не имея джипиэс, яндекса и гугла, ориентировались в половине двенадцатого ночи в пространстве, как наши одноклассники, слинявшие от напора искусства раньше, нашли

наш поезд на запасном пути, но никто не потерялся и не заблудился. Все мирно отдыхали на своих полках сытые и довольные, ну кроме тех, особо влюблённых в искусство, так как вагон-ресторан и туалеты были закрыты. Но их-то открыли, как только поезд тронулся, чем значительно повысили качество нашей туристической жизни.

А вообще, четыре дня полный плацкартный вагон одноклассников с гитарой, песнями, играми, разговорами, ночными посиделками, хождениями по плацкартным купе, где можно было полакомиться всем, что лежало на столе товарищей, а утром оказаться в новом городе, полном приключений, это ли не жизнь!

А в десятом классе у нас была поездка по маршруту Гомель-Минск, но это уже совсем другая история!

7. ПЯТЕРКА

Я всегда любила рисовать. Хотя нет, не так. Рисовать я начала лет с пяти, когда увидела в детском садике девочку, которая рисовала прекрасных принцесс, и они получались Прекрасными.

Тогда я подсаживалась поближе к этой девочке и тоже рисовала. Вот с этого момента я точно помнила, что полюбила рисовать. Рисовала в альбомах, в тетрадях, в блокнотах.

Но почему-то никакой художественной школы в моей жизни не было. А почему... Ну ведь туда ребёнка кто-то должен был отвести...

Уже в начальных классах учителя повели детей в ближайший Дом пионеров знакомиться с кружками, чтобы выбрать себе дело по душе. Я выбрала изостудию. Но работал там дядечка, который совсем не хотел работать. Он в начале занятия давал задание и уходил на весь урок. Поэтому в изостудию ходили одни мальчишки, которым очень нравились такие уроки, где можно пошалить и побездельничать. Поэтому этот опыт был у меня недолгим. Я перестала ходить в изостудию, хотя очень любила рисовать...

Наступил последний учебный год. И как-то за компанию с одноклассницей я решила, что хочу поступить на худграф местного педвуза. Хотя перспектива быть учителем рисования меня не очень устраивала, но другого способа научиться рисовать в нашем городе для взрослых девочек тогда не было. Как-то сами себе мы нашли репетитора-профессора с того же худграфа, чтобы заниматься по рисунку и живописи. Но среди вступительных экзаменов было ещё и черчение. Вот уж чего я никогда в школе не любила, скорее даже не могла терпеть. А учительница все удивлялась, как можно уметь рисовать и не уметь чертить. Я же искренне не понимала, почему эти два совершенно разных предмета преподаёт один и то же человек.

Репетитора по черчению помогла найти мать через коллег

по работе. Начался последний учебный год. Уроки в школе, задания от преподавателей по рисунку, живописи и черчению. К весне были заметны успехи и результаты. После школьных экзаменов предстояли вступительные в вуз. Профессор даже как-то сразу настроил, что на худграф практически все поступают не с первого раза.

— Так что сходите, попоступаете и продолжим наши занятия ещё до следующего лета.

Так и вышло. За первый экзамен по рисунку и живописи я получила свою справедливую тройку, за черчение четверку.

На следующее лето была возможность дважды попоступать — в июне заочно, в июле очно. Два так два, а чего не попоступать, раз никто не ограничивает? Так состоялась ещё одна попытка. За первый первый экзамен, который состоял из двух заходов-графика (это рисунок карандашом гипсовой головы Давида) и акварель классического натюрморта я получила свою заслуженную четверку. Получить, которую на экзамене среди абитуриентов бывших выпускниками художественного училища было просто счастьем!

И вот вторая попытка рисунок/живопись — 4, черчение стабильно — 4.

Впереди, как в сказке была третья попытка. Но сказки не случилось. Когда два дня первого экзамена были позади, голову Давида рисовали в первый день, на второй день её заканчивали и переходили к акварели. Так вот, когда все абитуриенты закончили свои работы, выставили в огромном ко-

ридоре мольберты, чтобы комиссия смогла их оценить, потянулись часы ожидания результатов. А за результатами надо было приехать вечером. То ли как-то слушали невнимательно возбужденные будущие студенты, то ли закралась какая-то неточность. Но вечером, к вроде бы назначенному часу, я стояла у порога заведения одна. Через несколько минут подошла ещё одна девушка со своей мамой. Та очень переживала за дочь и пришла с нею. Все вместе прошли по коридорам, открыли нужную дверь...

Одним словом, все уже узнали свои результаты и разошлись. Одна мама на двоих старалась подбодрить нас, девчонок. Я подошла к секретарю с просьбой проверить списки, найти нужные фамилии и услышать результат экзамена. Это всегда очень волнительный момент. Особенно если он уже пошёл на третий круг. Девушка-секретарь послушала обе фамилии, провела пальчиком по ведомости и невозмутимым голосом дважды ответила: фамилия-пятёрка, фамилия-пятёрка. Мы — абитуриентки переглянулись, ещё не веря в свою удачу. Одна мама на двоих стала обнимать нас обеих, радоваться за обеих и даже радостно кричать:

— Девчонки! Какие вы молодцы, поздравляю! Выйдя на улицу девчонки, то есть мы, ещё раз поздравили друг друга и разошлись в разные стороны.

Я ехала домой и сердце моё ликовало. Пятёрка! Этого просто не может быть! Я же видела, что вокруг такие классные работы у других абитуриентов! Эти девушки и парни, за

плечами которых было художественное училище, выглядели, чувствовали и вели себя как отпетые художники. В одежде преобладал этот стиль свободных духом, широкие штаны, порой странные головные уборы, заметные украшения, огромные сумки... Да и уровень их работ говорил о многом. И вдруг пятёрка! У меня пятёрка! Я привыкла учиться «хорошо» и «отлично» и вовсе не в первые в жизни получала пятёрку, но эта пятёрка дорогого стоила, она просто не умещалась внутри, хотелось громко покричать в небо раскинув руки, пя-тёр-ка! Но автобус ехал слишком медленно, или мне так казалось.

Мать пришла с работы поздно. Переступив порог, она спросила бесцветным голосом:

— Ну что, троечка?

Я даже не сразу поняла, что это не шутка, а вопрос, который уже содержит ответ. Я опешила и тихо ответила — пятёрка. Мать переспросила... я уже плохо помню, что она чувствовала в этот момент, повторяя свой ответ. Было похоже, что внезапно прервался прекрасный полет во сне, где светит солнце где можно лететь по небу раскинув руки, сон в котором ты можешь все, оборвался...

А дальше я весь вечер продолжала слушать упреки:

— Кем ты себя возомнила, куда ты вообще собралась, люди годами учатся в художественных школах. Я поняла, что черчение завтра уже не сдам...

Сдала. В первый и единственный раз на тройку. И снова

сумма баллов 8, а проходной 9. Казалось, что солнце больше не светит.

Но звездочет исправно следит за своими подопечными. Поэтому ночью светло от звезд, даже если чья-то звезда не упала вовремя и не исполнила желания, она светит с высоты всем и освещает чужие мечты...

8. ПРО ЛЯПЫ

Пела я как-то в школьном хоре, да было такое в моей жизни. Даже как-то выступали на конкурсе школьных хоров. Вот о факте этом помню, а был ли результат совершенно понятия не имею. Даже странно как-то. Видимо, мои душевные струны, это знаменательное событие нисколько не зацепило.

Но нота ЛЯ в песне непременно звучала. Ведь не может же быть песни без ноты ЛЯ. Это тогда сплошной ляп, а не песня.

А песня, вернее жизнь, такова, что ляпов в ней не избежать.

Вот, например, моя профессия, которая случилась у меня случайно... Библиотекарь. Часто, когда кто-то слышал, кем я работаю, восклицал: читать наверно любишь!

Хотелось сказать: люди, на работе, вообще-то работают, а не книжки читают! Вот так всю жизнь с семнадцати лет в этой профессии, но не люблю её, вернее не люблю очень многое в этой работе. Что это, как не один огромный ляп?

Есть и второй ляп не меньше. Не люблю педагогов в целом, их менталитет, что кругом все недоученные и недовоспитанные, а вот уже четырнадцать лет я работаю в образовательном учреждении. Вот вам, как говорится, не любите? А нате по всей морде, получите, распишитесь, пользуйтесь, не благодарите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.